

Из письма директора видно, что доносы в Харьковском учебном округе считались нормой: штатный смотритель доносит директору, директор — управляющему округом. В письме, представляющем к повышению в чине за выслугу лет, директор училищ счел возможным и не унижительным для себя напомнить и об увольнении по неблагонадежности, и о несправедливом подозрении по адресу учителя, которое оказалось простым недоразумением. Из письма видно, каким ограниченным человеком был директор училищ, как ему хотелось очернить Якушкина в глазах управляющего и, видимо, помешать его продвижению по лестнице чинов. Он просто не был в состоянии понять не похожего на других учителя, который скорее всего вызывал у него раздражение своими демократическими взглядами и манерой поведения.

Несмотря на неблагоприятное для Якушкина представление, он был произведен в чин губернского секретаря, о чем сообщается в списке чиновников, произведенных в следующие чины за выслугу лет. Список сохранился в том же фонде канцелярии директора. Приводим его в части, касающейся Якушкина.

«Список чиновников Дирекции училищ Харьковской губернии, произведенных за выслугу лет в следующие чины.

Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 18 августа 1856 года № 168 произведены за выслугу лет:

В губернские секретари учителя народных училищ:

2. Изюмского (уездного училища, — О. А.) — Плетневский... с 15 января 1852 года
3. Змиевского (уездного училища, — О. А.) — коллежский регистратор Ланевский... с 23 ноября 1854 года
4. Бывший учитель Харьковского уездного училища (ныне в отставке) Якушкин... с 12 января 1850 года».¹¹

Не дождавшись приказа о производстве в следующий чин, Якушкин в мае 1856 года вышел в отставку и уехал на родину в Орловскую губернию. Он поступил вопреки своему прежнему намерению, высказанному в письме к И. С. Аксакову, и больше не возвращался к преподаванию, но неизменно проявлял интерес к состоянию народных училищ, посещая их наряду с общественными и частными библиотеками и особенно интересуясь так называемыми книгами для народа и учебной литературой.

Приведенные выше документы проливают некоторый свет на положение Якушкина в качестве учителя. Оно было не легким при полном непонимании начальством его общественной и гражданской позиции. Деятельность Якушкина и во время его педагогической службы и позднее носила агитационно-просветительский характер. Он выступал против педагогической рутины. Неудивительно, что Якушкин пришелся не ко двору в Харьковском учебном округе и вынужден был оставить педагогическое поприще.

¹¹ Там же, л. 30 об.

Т. Г. Иванова

Н. Е. ОНЧУКОВ И СУДЬБА ЕГО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Историю русской фольклористики нельзя представить себе без капитальных трудов Н. Е. Ончукова «Печорские быльи», «Северные сказки», «Северные народные драмы». Каждый из этих сборников внес нечто новое и важное в понимание проблем русского эпоса, сказки и фольклорной драмы. Изучение перечисленных жанров в настоящее время невозможно без обращения к собраниям этого ученого. Современные исследователи до сих пор во вступительных статьях Н. Е. Ончукова к его собраниям находят много интересного и нужного для решения актуальных вопросов фольклористики. Но несмотря на то что имя Н. Е. Ончукова пользуется большим уважением в науке об устном народном творчестве, биография ученого совершен-

но не изучена.¹ О нем имеется лишь небольшая газетная заметка Г. Занозной,² студенческая работа, выполненная Ю. Н. Чекрыжовым,³ краткие статьи в старом издании Большой советской энциклопедии⁴ и в новом издании Краткой литературной энциклопедии,⁴ скупые упоми-

¹ Занозная Г. Заметки об Н. Е. Ончукове. — Пензенская правда, 1958, 7 окт.

² Чекрыжов Ю. Н. Н. Е. Ончуков (1872—1943). Из истории русской фольклористики. — В кн.: Тезисы докладов научной конференции молодых ученых МГУ. М., 1968, с. 327—329.

³ БСЭ, т. 43. М., 1939, стлб. 166.

⁴ КЛЭ, т. 5. М., 1968, с. 445.

нашия в различных общих работах.⁵ В указанных источниках много разноречий, неточностей и ошибок. Даже год смерти ученого называется различный — 1941, 1942 и 1943. Краткий биографический очерк жизни и деятельности Н. Е. Ончукова, предложенный ниже, написан на основании документов и писем, хранящихся в архивах Москвы и Ленинграда.

Николай Евгеньевич Ончуков родился в городе Сарапуле Вятской губернии в марте 1872 года. В документах имеются две разные даты его рождения. В автобиографии ученого называется 3 марта;⁶ в «Воспоминаниях о детстве», написанных Н. Е. Ончуковым и переписанных его двоюродным братом, указывается 5 марта.⁷ Отец будущего фольклориста, Евгений Иванович, торговал мехами и полшубками. Мать, Марья Владимировна, из купеческой семьи Башмаковых, умерла, когда ребенку было всего три месяца. Мальчик сначала воспитывался в поселке Воткинского завода у бабушки. В 1878 году он вместе с нею переехал в Сарапул к своему отцу. Здесь семилет Н. Е. Ончуков поступил учиться в приходское училище. «Я равно пристрастился к чтению и читал, конечно, сначала сказки. И слушать их я любил очень. Бывало, новый кучер или кухарка от меня не отвяжутся»,⁸ — вспоминал Н. Е. Ончуков. Как видим, истоки интереса ученого к устному народному творчеству находятся в его детстве — в провинциальной обстановке маленького городка, на улицах которого звучала песня, а одним из вечерних развлечений была сказка.

Сарапул был купеческим городом. Он славился кожевненным делом и изготовлением обуви, которая пользовалась большим спросом в Западной Сибири. В годы с хорошими урожаями Сарапульская хлебная пристань становилась одной из важнейших в России. Но «славился» Сарапул в Вятской губернии и другим — неграмотностью своих жителей. «При всеобщей переписи в России в 1897 году в городе Сарапуле процент грамотных оказался *наименьший* между всеми городами губернии, — только 42%,⁹ — отмечал знаток Прикамья Н. Н. Блинов.

⁵ Богословский П. С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае. — В кн.: Пермский краеведческий сборник, вып. II. Пермь, 1926, с. 103; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, с. 111—112.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

⁷ ГБЛ, ф. 369, к. 399, ед. хр. 19, л. 1.

⁸ Там же, л. 5 об.

⁹ Блинов Н. Н. Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современное. Сарапул, 1908, с. 71.

После окончания училища в 1890 году Н. Е. Ончуков поступил учиться в школу лекарских помощников в Казани, которую закончил в 1893 году. Он несколько лет проработал фельдшером в различных деревнях Пермской губернии. Н. Е. Ончукову пришлось участвовать в борьбе против эпидемии тифа — он сам заразился и переболел этой болезнью.¹⁰ Переселившись в Пермь, Н. Е. Ончуков поступил на службу в больницу пересыльной тюрьмы. О работе в тюрьме в автобиографии учений писал следующее: «... недолго пришлось поработать здесь (с полгода): за сношения с политическими... за передачу им писем, книг и пр. тюремным инспектором... был уволен со службы и отдан под надзор жандармской власти».¹¹ Как видим, уже в молодости сложились демократические убеждения Н. Е. Ончукова, во многом подкававшие ему и путь в науку — изучение устного творчества народа. В пермский период своей жизни будущий собиратель начал сотрудничать в местных и столичных газетах. Журналистика была первой областью, где проявились его гуманитарные наклонности.

Где-то на рубеже двух столетий, уже зрелым человеком, Н. Е. Ончуков переехал в Петербург. Здесь он на протяжении нескольких лет печатал небольшие заметки в различных периодических изданиях («Неделя», «Сын отечества», «Северный курьер», «Новое время» и др.). В это же время Н. Е. Ончуков наладил контакты с этнографическим отделением императорского Русского географического общества. Нам неизвестно, как произошло это очень важное для него событие. Как бы то ни было, но к лету 1900 года у Н. Е. Ончукова установились настолько крепкие связи с этнографическим отделением РГО, что с открытым письмом этого общества он отправился в свою первую экспедицию — в Чердынский уезд Пермской губернии. Цель поездки — сбор материалов по этнографии. В чисто фольклорном отношении результаты экспедиции были весьма незначительные: 58 песен, 23 сказки, несколько причитаний.¹² В этот период, видимо, еще не сформировались фольклористические интересы собирателя. В очерке «По Чердынскому уезду», напечатанном в 1901 году в «Живой старине», он делился впечатлениями о своей экспедиции: подробно описывался путь, рассказывалось о строившихся на реке Вишере заводах, предназначенных для выплавки чугуна, приводились во-

¹⁰ Выздоровев, Н. Е. Ончуков совершил путешествие по Кавказу. См. «Биографию Н. Е. Ончукова», написанную для В. Д. Бонч-Бруевича А. А. Булавкиной, вдовой ученого (ГБЛ, ф. 369, к. 312, ед. хр. 23, л. 8).

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

¹² Отчет императорского Русского географического общества за 1900 год. СПб., 1901, с. 10.

гульские (манси) легенды, давалась история местного раскольниковства и т. д. В общем, очерк «По Чердынскому уезду» носил чисто описательный характер и не претендовал на какие-то научные выводы.¹³ Тем не менее за эту работу Н. Е. Ончуков был награжден малой серебряной медалью Русского географического общества. В марте 1901 года собиратель был признан членом-сотрудником РГО.¹⁴

Поездка по Чердынскому краю в определенной степени стала решающей в жизни ученого. Путешествия по глухим уголкам Ресии увлекли Н. Е. Ончукова, и на протяжении 1900—1907 годов он совершил шесть экспедиций по заданию РГО: 1900 год — экспедиция в Чердынский уезд, 1901 год — первая поездка на низовую Печору, 1902 год — вторая поездка на низовую Печору, 1903 год — экспедиция в Поморье, 1904 год — поездка в Олонецкую губернию (Петрозаводский Пудожский, Каргопольский, Повенецкий уезды) и Поморье, 1907 год — экспедиция в Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии.

Экспедиции 1901—1902 годов на низовую Печору в Усть-Цылемскую и Пустозерскую волости сделали Н. Е. Ончукова первооткрывателем мощной эпической традиции в этом регионе. В первую поездку собиратель успел записать всего лишь семь текстов былин. Отъезд большинства исполнителей на рыбные промыслы и пожни помешал его работе. Но сам по себе факт записи былин на Печоре — в местах, где за десять лет до Н. Е. Ончукова побывал Ф. М. Истомин, искавший эпос и не нашедший его, — знаменателен. Он говорит о том, что Н. Е. Ончуков умел находить контакты с крестьянами. В 1902 году, выбрав удобное для поездки время, он записал 101 текст эпических произведений от 25 сказителей. Результатом экспедиций 1901—1902 годов явился сборник «Печорские былины» (1904). За это собрание Н. Е. Ончуков был награжден малой золотой медалью РГО. Отзыв о его работе давал известный фольклорист А. И. Соболевский. Отметив, что Н. Е. Ончуков явился открывателем печорской эпической традиции, А. И. Соболевский высоко оценил вводную статью собирателя: «Сборник былин снабжен у Н. Е. Ончукова обширным предисловием, сообщаящим данные о Печорском крае и его населении. . . Интерес этих данных может быть приравняем только к интересу известной статьи Гильфердинга об онежских сказителях».¹⁵ Работа Н. Е. Ончукова нашла

широкий отклик в фольклористическом мире. В. Н. Перетц, также признав Н. Е. Ончукова первооткрывателем печорской эпической традиции, отмечал: «Новизна и ценность материала делают книгу г. Ончукова важным вкладом в научную литературу, посвященную русскому эпосу».¹⁶ А. В. Марков указывал, что «выдающийся интерес для занимающихся русским эпосом» представляют новые сюжеты, обнаруженные ученым, — «Лука Данилович», «Данила Борисович» и «Бутман Колыбанович».¹⁷

Современная фольклористика, естественно, дает более критическую оценку сборника, вышедшего в начале XX века. Н. Е. Ончуков ставил себе целью прежде всего выявить весь репертуар региона. Репертуар отдельного сказителя и интерес к его творческой индивидуальности для собирателя оставались на втором плане.¹⁸ Исходя из этих принципов, он ряд текстов в своем сборнике приводит неполностью, отмечая в примечаниях, что отдельные их части схожи с вариантами других сказителей (см. былины №№ 45, 48, 55, 70). Убирал он и повторы, характерные для художественной организации эпоса, казавшиеся ему ненужными. Так, к былине «Потык» (№ 57) сказителя А. В. Чупрова дано следующее примечание: «Старина записана не с гласа, со многими сокращениями таких мест, которые составляют дословное повторение мест, встречающихся раньше; размер старины уменьшился почти вдвое, при всей полноте сюжета».¹⁹ Из приведенного примечания не ясно, какие именно эпизоды-повторы выпущены собирателем. В других же текстах примечание дается к определенному стиху, например: «Расказ И. Муромца, что он видел, составляющий буквальное повторение предыдущего в 49 стихах (от стиха 50 до 99) — выпускается» (былина Ф. Е. Чуркиной «Застава богатырская», № 1, примечание к стиху 106).²⁰ Н. Е. Ончуков опускает рассказ Ильи Муромца товарищам о черном богатыре-нахальщике на том основании, что это «буквальное повторение предыдущего». В этом утверждении кроется понимание эпического стиха как заучивающегося наизусть, а не творящегося каждый раз заново. Однако дословное

В кн.: Отчет императорского Русского географического общества за 1904 год. СПб., 1905, с. 90.

¹³ Перетц В. Н. Обзор важнейших новых трудов по народной словесности. — В кн.: Педагогическая мысль, вып. II. Кнэв, 1904, с. 20 (2-я пагинация).

¹⁴ Этнографическое обозрение, 1904, кн. LX, № 1, с. 139. №

¹⁵ Ончуков Н. Е. Былинная поэзия на Печоре. — В кн.: Печорские былины. СПб., 1904, с. XXXIV—XXXV.

¹⁶ Там же, с. 245.

¹⁷ Там же, с. 8.

¹³ Ончуков Н. Е. По Чердынскому уезду. — Живая старина, 1901, вып. 1, с. 37—74.

¹⁴ Отчет императорского Русского географического общества за 1901 год. СПб., 1902, с. 11.

¹⁵ Отзыв действительного члена А. И. Соболевского о трудах Н. Е. Ончукова. —

повторение какого-либо эпизода сказителем невозможно. Это противоречит природе фольклора. Каждый раз в повторяющемся месте варьируются отдельные формулы, вставные частицы. В данном же тексте исключается «буквальное» повторение еще и по той причине, что в первом эпизоде (ст. 50—99) рассказ ведется от третьего лица — «автора»-сказителя, во втором дается прямая речь Ильи Муромца, т. е. рассказ ведется от первого лица. Точно такие же пропуски эпизодов-повторов можно найти и в других текстах «Печорских былин».

Пожалуй, из трех крупнейших собраний эпоса начала XX века — А. Д. Григорьева, А. В. Маркова и Н. Е. Ончукова — сборник «Печорские былины» с текстологической точки зрения наиболее уязвим. На его качестве сказалось отсутствие филологического образования у его составителя. Уже после первых же экспедиций Н. Е. Ончуков понял, что ему не хватает специальных знаний. Поэтому осенью 1901 года он поступил учиться в Петербургский археологический институт, основанный в 1877 году на частные средства Н. В. Калачовым. Как правило, сюда принимались лица, уже имеющие высшее образование. Обучение было двухгодичным. Собственно археология занимала в учебной программе не очень большое место. Слушатели изучали палеографию, археографию, архивоведение, нумизматику, этнографию. По окончании курса они удостоивались звания действительного члена Института или члена-корреспондента. Н. Е. Ончуков был вольнослушателем Археологического института с 1901 по 1903 год.²¹

В 1908 году в «Записках Русского географического общества» были опубликованы «Северные сказки» Н. Е. Ончукова. Сюда вошли тексты сказок, быличек, преданий и легенд, записанных ученым во время поездок по разным районам русского Севера (Печора, Поморье, Олонецкий край). Значительную часть собрания составляют записи академика А. А. Шахматова, сделанные им в 1884 году в Олонецкой губернии, а также сказки, собранные М. М. Пришвиным в Выговском крае, куда он ездил в 1906 году по совету Н. Е. Ончукова. Сюда же вошли и тексты, присланные Д. Георгиевским в архив РГО. Для самого Н. Е. Ончукова запись прозаических жанров во время его экспедиций во многом была делом случайным. В предисловии к сборнику он писал: «В 1902 году я поехал на Печору с определенной целью записывать былины-старины. Когда сказители в селениях, где я записывал старины, были мною использованы и между поездкой в другое селение оставалось свободное время

или ехать было еще нельзя, я занимался на Печоре поисками рукописей, осмотром архивов местных церквей и уже после всего записывал сказки. Таким образом, записывал я сказки на Печоре между делом, и они, конечно, не обнимают всего сказочного репертуара этой области. . . Мои записи сказок в Поморье и в Олонецкой губ. (в 1903—1904 г.) носят еще более случайный характер».²² Тем не менее, несмотря на случайность и пестроту записей, выход в свет «Северных сказок» явился событием в научном мире. Этот сборник был первым собранием народной прозы из районов Севера России, уже прославившихся как средоточие былин, причеты и лирики. В сборнике впервые сказки были расположены не по сюжетам, а по исполнителям. Не просто сказка сама по себе, но и сказочник, как мастер слова, интересовал составителя. Многим из своих сказителей Н. Е. Ончуков дал яркие характеристики, описал условия бытования сказки на Севере, указал на особенности традиции в различных регионах. За сборник «Северные сказки» по представлению академика С. Ф. Ольденбурга Н. Е. Ончуков был награжден большой золотой медалью Русского географического общества.²³

В марте 1918 года, вскоре после переезда советского правительства в Москву, В. И. Ленин попросил управляющего делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевича принести ему какие-нибудь книги по фольклору. В. Д. Бонч-Бруевич подобрал для В. И. Ленина несколько сборников, среди которых были и «Северные сказки» Н. Е. Ончукова. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает: «— Какой интересный материал, — сказал Владимир Ильич, когда я наутро вошел к нему. — Я бегло просмотрел все эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желаний все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Смотрите! — добавил он, — вот здесь, в сказках Ончукова, которые я перелистал, — и он стал вновь просматривать эту книгу, — ведь здесь есть замечательные места. . . Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни».²⁴

Что же могло привлечь внимание вождя революции в сказочном собрании? К. В. Чистов, характеризую «Северные сказки», писал: «Сборник Н. Е. Ончукова при первом же знакомстве с ним поражает

²² Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908, с. XIX.

²³ Отчет императорского Русского географического общества за 1908 год. СПб., 1909, с. 76.

²⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. в 3-х т., т. 3. М., 1963, с. 350.

²¹ В ЦГАЛИ сохранилось свидетельство Н. Е. Ончукова об окончании Археологического института (ф. 1366, оп. 2, ед. хр. 3).

двумя отличительными чертами — явным преобладанием новеллистической сказки над волшебной и изобилием сатирических сказок с острым социальным содержанием. Вторая черта несомненно свидетельствует об обостренном социальном сознании сказочников, с которыми приходилось встречаться Ончукову и его корреспондентам. Что же касается преобладания новеллистических (бытовых) сказок, то и это явление кажется нам в целом характерным для развития русской сказки в пореформенное время. Так или иначе, сборник Ончукова, — это прежде всего сборник новеллистических сказок, то есть сказок, которые отличаются определенностью социального облика героя. В центре подавляющего большинства из них стоит фигура бедного, разорившегося крестьянина или крестьянина-батрака, испытывающего жестокие затруднения, но в конце концов преодолевающего их». ²⁵ «Северные сказки» отразили стремление крестьян «освободиться от зависимости от бар, попов, купцов, кулаков, нанести им всеми средствами экономическое и моральное поражение». ²⁶

Третье фольклорное собрание Н. Е. Ончукова — «Северные народные драмы», — вышедшее в 1911 году, также явилось событием в этнографическом мире. Ни одному из собирателей до Н. Е. Ончукова не удавалось на русском Севере обнаружить фольклорной драматургии. Чрезвычайно интересны те сведения, которые приводит ученый о бытовании народных драм. В крестьянской среде этот жанр появился не без влияния солдат, возвращавшихся со службы в родные деревни и заносивших туда невиданные ранее спектакли, и не без влияния рабочей среды. Некоторые из исполнителей прямо указывали Н. Е. Ончукову, что перевяли ту или иную пьесу с лесопильного завода, где рабочие разыгрывали ее в читальне.

Как собиратель фольклора, Н. Е. Ончуков тяготел к монументальным жанрам: былине, исторической песне, духовному стиху, сказке, народной драме. Лирические и обрядовые песни он почти не записывал. Интерес к большим фольклорным формам, видимо, объясняется тем, что именно в монументальных жанрах наиболее ярко раскрывается индивидуальное мастерство сказителя, его самобытность и талант. А талантливость русского человека Н. Е. Ончуков умел ценить. «Сказители былин и сказочники, — писал он, — несомненно исключительный народ. Это своя, часто даже неграмотная, но все же интеллигенция деревни, но дипломированная школьными бумагами, как это в классах выше крестьянского, а настоящая, выделяющаяся естественным пу-

тем по своим умственным качествам или задаткам иногда очень больших художественных дарований. Это умственная аристократия деревни. Эти поэты и художники слова и часто виртуозы рассказа человеку, много имевшему с ними дела, невольно внушают глубокое почтение к умственным силам деревни и к всевозможным, таящимся в ее недрах дарованиям, которые только образование сумеет настоящим образом определить и приложить». ²⁷ Уважение к крестьянину-поэту, умение увидеть в каждом из своих исполнителей яркую личность помогали Н. Е. Ончукову в его поездках. Думается, в этом главная причина его успехов в собирательской работе.

Из мелких публикаций Н. Е. Ончукова по фольклору укажем на отдельные фрагменты свадебного обряда с Тамицы Онежского берега Белого моря, записанные собирателем во время поморской экспедиции: это свадебная песня «Бряжка» ²⁸ и представляющая большой интерес «Свадебная сказка во время смотрин», ²⁹ которую собиратель скопировал с рукописи одного тамического крестьянина. По сути дела это список наговоров дружки. Привлекают внимание также духовные стихи, записанные им на Печоре. ³⁰

Необходимо отметить, что кроме фольклора Н. Е. Ончуков увлекался диалектологией, ³¹ собиранием старорусских рукописей ³² и предметов народно-приклад-

²⁷ Ончуков Н. Е. Сказки и сказочники на Севере. — В кн.: Северные сказки, с. XLVIII.

²⁸ Живая старина, 1908, вып. 1, с. 121—122.

²⁹ Там же, вып. 2, с. 261—264.

³⁰ Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни. — Живая старина, 1907, вып. 1, с. 10—24; вып. 2, с. 51—54; вып. 3, с. 73—82; вып. 4, с. 100—110.

³¹ В Ленинградском отделении архива Академии наук сохранился экземпляр «Программы для собирания особенностей народных говоров», изданной Российской Академией наук в 1896 году, по которому Н. Е. Ончуков работал в 1900 году в Чердынском уезде (ф. 197, оп. 2, ед. хр. 185). В 30-е годы Н. Е. Ончуков участвовал в работе над составлением «Словаря русского языка». См. договор, заключенный ученым 29 января 1933 года с Институтом языка и мышления (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 116).

³² В рукописном отделе Библиотеки Академии наук имеется фонд Н. Е. Ончукова, составляющий 68 единиц хранения. Здесь есть исторические повествования, старинные грамматики и арифметики, народные лечебники, датированные XVI—XIX веками. См.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, с. 111—112. Интересны статьи собирателя, посвященные руко-

²⁵ Чистов К. В. Заметки о сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки». — В кн.: Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1957, с. 16.

²⁶ Там же, с. 28.

ного искусства.³³ Интерес ученого к жизни народа был широким и многогранным.

Революция 1905—1907 годов принесла русскому обществу «крохи» дарованных дарем свобод. У интеллигенции, болезненно переживавшей бурные события первой русской революции, появилась иллюзия возможности преобразования страны через общественные институты и просветительскую деятельность. На попрание общественного служения родине решил приложить свои силы и Н. Е. Ончуков. В 1908 году наступил новый перипод в его жизни: он возвратился из Петербурга в родной Сарапул. Здесь ученый баллотировался гласным в городскую думу. С 1 марта 1909 года он начал издавать и редактировать ежедневную общественно-политическую и литературную газету «Прикамская жизнь».³⁴ Это была единственная сарапульская газета, которая снабжала горожан зарубежными, российскими и местными новостями. Газета носила обычный для того времени либерально-демократический характер. «„Прикамская жизнь“ — газета прогрессивная и беспартийная», — говорилось в ее программной статье.³⁵ Газета живо откликалась на местные актуальные вопросы: писала о судьбе Воткинского завода, которому грозило закрытие,³⁶ о затянувшемся строительстве водопровода, о плане постройки железной дороги к Сарапулу, о наводнении, причинившем в 1914 году большой ущерб городу. «Прикамская жизнь» помогала своему читателю быть в курсе культурных ново-

лишней традиции русского Севера: «О расколе на низовой Печоре» (Живая старина, 1901, вып. III—IV, с. 434—452), «Печорская старина» (Изв. ОРЯС, 1905, т. X, кн. 2, с. 339—363; кн. 3, с. 210—238), «Старина и старообрядцы» (Живая старина, 1905 вып. III—IV, с. 271—289).

³³ В 1904 году Н. Е. Ончуков предложил этнографическому отделению Музея Александра III (ныне: Государственный музей этнографии народов СССР в Ленинграде) 105 предметов народного быта. См.: Архив Гос. музея этнографии народов СССР, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 441, лл. 1—2.

³⁴ И. С. Вогословский указывает, что Н. Е. Ончуков до революции издавал в Сарапуле газету «Кама» (Б о г о с л о в с к и й И. С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае, с. 103). Это ошибка. «Кама» издавалась с 1 января 1913 года местным богачом В. Ф. Пешехоновым. С первого же дня между двумя сарапульскими газетами началась полемика.

³⁵ Прикамская жизнь, 1909, 1 марта, № 1.

³⁶ В 1915 году Н. Е. Ончуков был оштрафован губернатором Страховским на 500 рублей за корреспонденцию о непорядках на фабрике в Воткинском заводе. См.: ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2.

стей России. Здесь печатались материалы о Грибоедове, Пушкине, Гоголе, Некрасове, Белинском, Мельникове-Печерском, Чехове, Куприне, Горьком и др. Но больше всего на ее страницах помещалось сведений о жизни, нравственных и философских взглядах Л. Толстого. Видимо, мировоззрение Толстого было в чем-то близким самому Н. Е. Ончукову. Постоянной была рубрика «Новые книги», пропагандировавшая серьезные издания, связанные с историей края. Но вопреки нашим ожиданиям, мы не встретили в газете материалов по местному фольклору и этнографии, материалов, которые должны бы, казалось, появиться при издании, давшем России «Печорские былины» и «Северные сказки». Газета отнимала у Н. Е. Ончукова много сил, времени и средств. В письме к академику А. А. Шахматову от 3 марта 1910 года он писал: «Газета моя в материальном отношении влечет существование, но все же она делает здесь свое дело, и это удовлетворяет».³⁷

Н. Е. Ончуков явился одним из основателей земского сарапульского музея. Вопрос об открытии музея был поставлен перед местными властями еще в 1905 году. Но дело сдвинулось с мертвой точки лишь в 1909 году. 24 апреля в «Прикамской жизни» было опубликовано обращение к сарапульцам с просьбой жертвовать естественноисторические, этнографические и археологические материалы, касающиеся родного края. На протяжении всех лет своего существования газета Н. Е. Ончукова подробно освещала культурно-просветительскую деятельность музея, который работал довольно напряженно. С 1911-го по 1914 год вышло четыре выпуска «Известий Сарапульского земского музея». Но хотя Н. Е. Ончуков принимал участие в издании «Известий» (они печатались в его типографии), научных работ ученого в этом органе мы не обнаружили.

1 декабря 1913 года на базе музея было создано Общество изучения Прикамского края. 3 декабря «Прикамская жизнь» сообщила о торжественном открытии этого нового культурного центра в Сарапуле. Открытие Общества приветствовали многие научные учреждения России. К 1916 году Общество изучения Прикамского края насчитывало 76 человек; к 1 января здесь было собрано 5000 книг, 270 экспонатов.³⁸ Не остался в стороне от деятельности Общества и Н. Е. Ончуков.

1909—1917 годы в жизни ученого — это годы, полностью отданные общественной и просветительской деятельности в родном крае, и заслуги его здесь не-

³⁷ ЛО Архива АН СССР, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1090, л. 21 об.

³⁸ К о н д р а т ь е в Я. К. Сарапульский краеведческий музей. Краткий справочник-путеводитель. Ижевск, 1961, с. 4.

оспоримы. В области же фольклористики в этот период он почти ничего не сделал.³⁹ Начавшуюся первую мировую войну Н. Е. Ончуков, как и всякую войну, считал большим бедствием для народа, но всю ответственность за ее развязывание перекладывал на Германию. «Прикамская жизнь» широко освещала антинемецкие настроения, возникшие в русском обществе, публиковала корреспонденции с фронта о героях-сарапульцах и т. д. Вскоре после Февральской революции Н. Е. Ончуков прекратил издание «Прикамской жизни». В письме к А. А. Шахматову от 17 января 1918 года из Сарапула он писал: «С 11 марта прошлого года я не издаю своей газеты и теперь совершенно свободный человек. Газета меня страшно утомила и отнимала решительно все время. За все это время, как я выехал из Петрограда, я решительно ничего не сделал для этнографии, кроме издания сборника „Народных драм“, записанных раньше. Теперь я отдохнул и снова потянуло к этнографии».⁴⁰

Но начавшаяся гражданская война не располагала к научным занятиям. Сведения о жизни Н. Е. Ончукова в эти годы очень скудны. Из письма фольклориста к А. И. Соболевскому из Иркутска от 19 июня 1922 года мы узнаем, что с 1918 года ученый жил в Сибири. Весной 1920 года он, как фельдшер, был мобилизован на борьбу с тифом; работал в Забайкалье. В этом же году Н. Е. Ончуков хотел поступить в Иркутский университет на медицинский факультет, чтобы продолжить свое медицинское образование, но его не приняли: стар, да и слишком долгим был перерыв в лечебной практике. Тогда он поступил на историческое отделение университета («всю жизнь чувствовал пробел высшего философского и исторического образования»).⁴¹ Через два с половиной месяца в Иркутске узнали о работах Н. Е. Ончукова по фольклору, и его оставили в качестве профессорского стипендиата при кафедре истории русской литературы. О дальнейшем ученый писал так: «Год работал упорно. Но тут пришла НЭП, и я, среди многих других, оставлен за штатом, без жалованья и пайка. Промышлять приходится теперь бог знает чем, а главным образом — продавать с себя на Иркутской барачной, т. е. по дешевой терминологии — „спекулировать“».⁴² И вот в этих очень нелегких обстоятельствах Н. Е. Ончуков

после долгого перерыва возвращается к главному делу своей жизни — к этнографическим экспедициям. Летом 1922 года по заданию Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества он отправился в Забайкалье.⁴³

Осенью 1922 года Н. Е. Ончуков был приглашен в Пермский университет на кафедру русского языка педагогического факультета. Здесь он проработал 1922/23 и 1923/24 учебные годы. Летом 1923 года по поручению местных властей ученый совершил поездку по Чердынскому краю. Целью экспедиции была покупка у населения различных предметов для Московской сельскохозяйственной выставки. Он приобретал бороны-суховатки, сани-нарты, ступы, изделия из дерева (ложки, туеса, пестери и т. д.), образцы холста, женские головные уборы, печные изразцы и другие предметы, представляющие этнографический интерес. Фольклор в эту поездку собиратель не записывал, но наблюдения позволили Н. Е. Ончукову сделать вывод, что произведения на современные темы (частушки с злободневной тематикой, политические остроты и анекдоты, мистические легенды) в Чердынский уезд почти не проникли. В Забайкалье, где ученый побывал летом 1922 года, устное народное творчество гораздо ярче отразило происходящие события.⁴⁴

В январе 1923 года в Пермском университете возобновил свою деятельность «Кружок по изучению Северного края», возглавляемый профессором П. С. Богословским. В 1923/24 учебный год на заседаниях кружка было прочитано 53 доклада, и среди них сообщение Н. Е. Ончукова о поездке по Чердынскому краю.⁴⁵ Деятельность кружка оживила научную жизнь университета, но, несмотря на это, настроение у Н. Е. Ончукова было тяжелое. Жизнь в Перми его не удовлетворяла. 28 октября 1924 года он писал А. И. Соболевскому: «В Пермском университете очень грустно».⁴⁶ Уче-

⁴³ Сохранился дневник путешествия ученого по Ангаре и Забайкалью. Позднее, в 1937 году, в предисловии к своим запискам Н. Е. Ончуков писал: «Путешествуя в исключительное время, я попадал и в исключительные обстоятельства, рискуя иногда и головой. Мои записки чисто фольклорного материала были, прямо нужно сказать, ничтожны, но общие наблюдения быта и жизни новы для меня и ярки» (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1).

⁴⁴ Ончуков Н. Е. Поездка в Чердынский край летом 1923 года. — В кн.: Пермский краеведческий сборник, вып. I. Пермь, 1924, с. 29—32.

⁴⁵ Богословский П. С. «Кружок по изучению Северного края при Пермском университете» и его деятельность. — Там же, с. 97—100.

⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 277, л. 4.

³⁹ Можно отметить публикацию «Стиха про Александра II», записанного им на пароходе во время поездки из Сарапула в Казань летом 1915 года (Ончуков Н. Е. Смерть Александра II. — Живая старина, 1916, вып. IV, с. 327—328).

⁴⁰ ЛО Архива АН СССР, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1090, л. 24.

⁴¹ ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 277, л. 1 об.

⁴² Там же.

ный соби́рался перебраться в Петроград. В декабре этого года он был уже в Ленинграде. «Я пока в Питере чувствую себя прекрасно и все еще не могу вполне порадоваться, что вырвался из Перми», — спешил сообщить он 7 декабря А. И. Соболевскому в Москву.⁴⁷

В Ленинграде Н. Е. Ончуков с самого начала включился в научную жизнь города. Он был избран сверхштатным (т. е. неоплачиваемым) сотрудником в Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока, который объединял в те годы лучшие филологические силы страны. 19 ноября 1925 года в Институте была образована секция «Живой старины» (фольклора). Председателем ее стал Д. К. Зеленин, секретарем избрали Н. Е. Ончукова. В работе секции фольклора принимали участие В. П. Адрианова-Перетц, В. М. Жирмунский, Н. С. Державин, П. К. Симоны, Л. Я. Штернберг, А. И. Никифоров, В. И. Чернышов, А. А. Макаренко, Н. М. Элиаш и другие видные ученые. Секцией был объявлен ряд тем для коллективных работ: «Земледельческие обряды восточных славян и их соседей» (руководитель Д. К. Зеленин), «Морфология сказки» (руководитель А. И. Никифоров), «Исторические песни великорусов» (руководитель Н. Е. Ончуков) и др.⁴⁸ В письме к А. И. Соболевскому от 24 декабря 1925 года Н. Е. Ончуков сообщал: «Наша секция „живой старины“ Исследовательского Института» действует и шумит больше всех. Прочитан ряд докладов. Мы с Зелениным» Д. К. провели туда сотрудников всех наших приятелей фольклористов».⁴⁹

В Ленинградском университете Н. Е. Ончуков продолжил свою преподава-

⁴⁷ Там же, л. 5 об.

⁴⁸ О деятельности секции «Живой старины» см.: Краткий отчет о работе Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ за 1925/1926 годы. — В кн.: Язык и литература, т. I, вып. 1—2. Л., 1926, с. XVIII—XIX; Зеленин Д. К. 1) Секция «Живой старины» Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете за 1925/1926 годы. — Этнография, 1927, № 1, с. 217—218; 2) Комиссия «Живой старины» Научно-исследовательского института сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока при Ленинградском государственном университете в 1927/1928 годах. — Этнография, 1928, № 1, с. 125—126. См. также протоколы заседания секции, написанные рукой Н. Е. Ончукова (ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 105).

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 277, л. 27.

тельную деятельность, начатую в Перми. Он читал курсы по фольклору и вел семинарские занятия на протяжении 1924—1930 годов.⁵⁰

В 20-е годы возобновилась экспедиционная работа ученого, проводимая на средства Русского географического общества. В 1926 году по заданию Сказочной комиссии РГО собиратель совершил поездку по Тавдинскому краю (Тюменский уезд Тобольской губернии). Экспедиция была исключительно удачна. В четырех деревнях от семи исполнителей он записал 86 сказок. В статье «Сказки Тавдинского края» фольклорист дал опись собранного материала с определением сюжетов по указателю Аарне, отметил основные особенности местной сказочной традиции.⁵¹ У Географического общества не было средств на издание сборника. 11 января 1927 года Н. Е. Ончуков с грустью писал А. И. Соболевскому: «Нынче летом я побывал... в Тавдинском крае и записал 85 сказок; на целый небольшой сборник. Только печатать-то негде».⁵² Осенью 1927 года у Сказочной комиссии появилась возможность дать для собрания Н. Е. Ончукова четыре печатных листа. Сохранился проект издания, представленный собирателем в РГО. Ученый предлагал полностью опубликовать по две сказки каждого из исполнителей, а остальные напечатать в кратком пересказе. На один лист предполагался очерк о тавдинских сказочниках.⁵³ Однако и такое, чрезвычайно усеченное издание не состоялось. Возникла мысль о печатании сказок на немецком языке в Финляндии в одном из выпусков международной ассоциации фольклористов.⁵⁴ Но и этот план не был реализован. В 1938 году Н. Е. Ончуков обратился с предложением о публикации тавдинских записей в Тобольский музей.⁵⁵ К сожалению, и эта попытка собирателя увидеть свой труд напечатанным оказалась бесплодной. Сборник так и остался в рукописи.

В настоящее время материалы тавдинской экспедиции хранятся в фонде Н. Е. Ончукова в ЦГАЛИ. Здесь имеются карандашные полевые записи,⁵⁶

⁵⁰ О преподавательской работе Н. Е. Ончукова см.: ГБЛ, ф. 369, к. 399, ед. хр. 13.

⁵¹ Ончуков Н. Е. Сказки Тавдинского края. — В кн.: Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927, с. 26—31.

⁵² ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 277, л. 32.

⁵³ ГБЛ, ф. 369, к. 399, ед. хр. 16.

⁵⁴ Ончуков Н. Е. По Тавдинскому краю. — В кн.: Уральское краеведение, I. Свердловск, 1927, с. 104.

⁵⁵ ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 92.

⁵⁶ Там же, ед. хр. 78, 74. Необходимо отметить, что фонд Н. Е. Ончукова в ЦГАЛИ очень плохо разобран. Описание не дает правильного представления о находящихся в нем материалах. Так, ед-

текст которых уже затухает, и две белые копии, переписанные чернилами.⁵⁷ Одна копия была сделана, видимо, сразу же после экспедиции (ед. хр. 85), вторая — в 1938 году для Тобольского музея (ед. хр. 84). В ЦГАЛИ хранятся и неопубликованные статьи собирателя, посвященные тавдинскому материалу: «Тобольские сказки» и «Тавдинские сказочники».⁵⁸ Вместе с работой, напечатанной в сборнике Сказочной комиссии, они дают великолепный материал для комментариев к собранию.

Во время экспедиции 1926 года в Тюменском музее Н. Е. Ончуков обнаружил чрезвычайно интересный архив П. А. Городцова, юриста по профессии, записывавшего фольклор в Тавдинском крае в 1900-е годы.⁵⁹ Материал привлек внимание Н. Е. Ончукова, и впоследствии он сделал несколько статей и публикаций по собранию П. А. Городцова.⁶⁰ Но самые ценные записи П. А. Городцова — сказки — опубликованы не были. Современные фольклористы, знающие об архиве этого собирателя по статьям Н. Е. Ончукова, посчитали их даже утерянными. В одной из самых последних работ по сказке наряду с исчезнувшим собранием А. Н. Белослюдова упоминается и сборник П. А. Городцова,⁶¹ к счастью, собрание этого интереснейшего фольклориста-любителя начала XX века сохранилось в составе фонда Н. Е. Ончукова в ЦГАЛИ.⁶² Тексты, записанные П. А.

хр. 78 глухо названа «Сказки. Сборник», ед. хр. 74 — «Переписанные и подготовленные к печати сказки Тавдинского края» (на самом деле это полевые записи).

⁵⁷ ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 85, 84.

⁵⁸ Там же, ед. хр. 54, 52.

⁵⁹ См. публикации П. А. Городцова: 1) Два гадания (у крестьян Тюменского уезда). — Записки Западно-Сибирского отд. имп. Русского географического общества, 1916, т. 38, с. 66—85; 2) Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда. — Ежегодник Тобольского губ. музея, 1916, вып. 26, отд. 2, с. 1—65; 3) Западносибирские легенды о творении мира и о борьбе духов. — Этнографическое обозрение, 1909, кн. 80, № 1, с. 50—63; 4) Мамонт. Западносибирское сказание. — Ежегодник Тобольского губ. музея, 1910, вып. 18, отд. 2, с. 1—4.

⁶⁰ Ончуков Н. Е. 1) П. А. Городцов. (Западносибирский этнограф). — Сибирская живая старина, 1928, вып. VII, с. 122—126; 2) Три варианта песни о Кострюке. — В кн.: Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 423—429; 3) Масленица. — В кн.: Пермский краеведческий сборник, вып. IV. Пермь, 1928, с. 117—123.

⁶¹ Соболева Н. В. Сатирические сказки русского населения Сибири. — В кн.: Русские народные сатирические сказки. Новосибирск, 1981, с. 7—8.

⁶² ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 175—177, 180—182.

Городцовым в 1906—1907 годах, вместе с материалами Н. Е. Ончукова, полученными в том же регионе, в Тавдинском крае, через 20 лет, представляют огромную ценность для науки, тем более если учесть, что из этого района Западной Сибири до сих пор нет записей народной прозы. Выход в свет сказок П. А. Городцова и Н. Е. Ончукова мог бы стать таким же событием в науке об устном народном творчестве, как и появление сборника «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (М.—Л., 1961), подготовленного В. Я. Проппом.

Летом 1927 года Н. Е. Ончуков отправился в экспедицию в Верхотурье. Собиратель надеялся сравнить сказочные традиции двух близлежащих регионов — Тавдинского и Верхотурского. Но Верхотурский уезд оказался в этом отношении гораздо беднее Тавдинского края. В статье «Из уральского фольклора» Н. Е. Ончуков писал: «Можно... определено сказать, что та часть Верхотурского уезда, где я был, сказками небогата: мне не указали ни на одного человека как на замечательного сказочника».⁶³ Немногочисленные записи, сделанные во время поездки 1927 года, также хранятся в ЦГАЛИ.⁶⁴ Наибольший интерес здесь представляют легенды о местном святом Симеоне Праведном.

Экспедиция следующего года оказалась намного плодотворнее. Летом 1928 года Н. Е. Ончуков в составе группы социологов и этнографов побывал в с. Шокшозеро Лодейнопольского уезда, под Ленинградом. Исследователи ставили себе целью всестороннее изучение экономической, этнографической и духовной жизни одного села. Перед Н. Е. Ончуковым стояла задача как можно полнее записать сказочный репертуар села. В Шокшозере, объединявшем четыре деревеньки, было 35 дворов, 188 жителей. За экспедиционный период собиратель записал 103 сказки от 28 лиц. В статье «Сказки одной деревни» он дал описание репертуара Шокшозера с определенным сюжетов по системе Аарне. В эту экспедицию ученому удалось установить контакт с детьми — среди его исполнителей были и дети-сказочники.⁶⁵ Материал, собранный в одной деревне, был уникален, но надежды на его публикацию не было. 12 сентября 1928 года Н. Е. Ончуков писал А. И. Соболевскому: «Нынче летом была... экспедиция в Лодейнопольский уезд» Олон«ецкой» губернии». Я записал 100 сказок. Только что я с ними буду

⁶³ Ончуков Н. Е. Из уральского фольклора. — В кн.: Сказочная комиссия в 1927 году. Л., 1928, с. 32.

⁶⁴ ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 12.

⁶⁵ Ончуков Н. Е. Сказки одной деревни. — В кн.: С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934, с. 399—413.

делать?»⁶⁶ Это собрание, как и сказки Тавдинского края, так и осталось ненапечатанным. Такова была судьба многих фольклорных записей, сделанных в то трудное время. В неопубликованной статье «Изучение фольклора» Н. Е. Ончуков с тревогой говорил о создавшемся положении: «Каждый год этнографы-фольклористы делают экскурсии в разные губернии и области России, записывают, готовят к печати. . . и материалы поступают в засол. . . И когда они увидят свет, и увидят ли когда — гадательно».⁶⁷ В ЦГАЛИ сохранилась полевая рукопись⁶⁸ собирателя и две его белые копии⁶⁹ материалов экспедиции в Шокшозеро. Без сомнения, публикация этого сборника, представляющего сказочную традицию одной деревни, стала бы весомым вкладом в развитие отечественного сказковедения.

Особое место в научной деятельности Н. Е. Ончукова занимала тема «Современный фольклор». Интерес к произведениям, отражающим современные им события, возник у ученого, видимо, в период первой мировой войны, когда появилось много анекдотов, частушек, имеющих острую политическую направленность. Собиратель чутко прислушивался к тому, что поют, что рассказывают в народе. Сохранилась рукопись фольклориста, озаглавленная «Исторические анекдоты».⁷⁰ Она содержит 19 анекдотов из жизни двора Николая II и его министров, записанных Н. Е. Ончуковым в Сарапуле. Тексты отражают совершенную оторванность российских правителей от русского народа, его культуры, проблем и нужд. Характерны следующие сюжеты: «Не ясно, как мне быть, — говорит наследник Алексей. — Когда русских немцы бьют — папа плачет. Когда немцев бьют — мама плачет»;⁷¹ «Александра Федоровна во время войны усердно посещала военные госпитали и разговаривала с ранеными и больными солдатами, и так как она по-русски говорит с сильным акцентом, часто случались недоразумения. В одно из посещений, например, Александра Федоровна спрашивает раненого солдата: „Вы награды получили?“ — „Никак нет, Ваше величество, — отвечает солдат, — виноград мы не получили“».⁷² Подобного рода анекдоты были распространены в предреволюционные годы по всей России.

Тема «Современный фольклор» продолжала волновать ученого и после революции. Собирателю было свойственно

широкое представление о процессах, происходивших в устном творчестве народа, совершившего социальную революцию. Не все слои общества приняли новую власть, не все поняли великий смысл Октября. В неопубликованной статье «Устная словесность нашего времени» Н. Е. Ончуков писал: «Гражданская война, военный коммунизм, всеобщая разруха, тифы, голод, разверстки и проч. великие тяжести революционного времени остались неоправданными в глазах рядового обывателя».⁷³ Собиратель приводит целый ряд частушек, легенд, пословиц, слухов, отражающих непонимание определенной частью населения социалистических преобразований в стране. Ученый считает, что подобные произведения устной поэзии являются важным материалом для изучения народной психологии и идеологии в переломные моменты истории. Н. Е. Ончуков призывал записывать фольклор разных социальных групп русского народа.⁷⁴

Собиратели 20—30-х годов не последовали совету ученого, однако современные исследователи осознают это как просчет своих предшественников. Так, А. А. Горелов пишет: «Понятия „советский фольклор“ и „фольклор Советской эпохи“ в применении к эпохе диктатуры пролетариата далеко не тождественны. Фольклористика стоит перед лицом огромного комплекса явлений, запечатлевших синхронные и вместе многообразные моменты развития социального мировоззрения классово-национальных человеческих массивов, какими были пролетариат и крестьянство. Но пока что науке о фольклоре недостает анализа фактов в их множественности и противоречивости. Из того многого, что дала названная эпоха, в научный оборот вовлечено лишь то, что наиболее прямолинейно отвечало представлениям 40—50-х годов о подлинно советском творчестве в искусстве сложной пореволюционной поры; „ростки нового“ гиперболизируются, пропорции нарушаются, перспектива развития утрачивается. . .»⁷⁵ Статья Н. Е. Ончукова «Устная словесность нашего времени» дает великолепный материал для правильного осознания категорий «современный фольклор» и «фольклор советской эпохи».

На рубеже 20—30-х годов наступает новый этап в научной деятельности Н. Е. Ончукова. До этого времени почти все его статьи и публикации были основаны на собственном экспедиционном материале. В той или иной форме — живой, увлекательной, как это делалось в боль-

⁶⁶ ЦГАЛИ, ф. 449, оп. 1, ед. хр. 277, л. 32.

⁶⁷ Там же, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 14, л. 3.

⁶⁸ Там же, ед. хр. 79.

⁶⁹ Там же, ед. хр. 70, 83.

⁷⁰ Там же, ед. хр. 72.

⁷¹ Там же, л. 2.

⁷² Там же, л. 6.

⁷³ Там же, ед. хр. 55, л. 14 об.

⁷⁴ См.: Ончуков Н. Е. Что и как записывать по народному творчеству. — Краеведение, 1925, № 3—4, с. 272.

⁷⁵ Горелов в А. А. Принцип историзма и некоторые проблемы изучения русского фольклора. — В кн.: Русский фольклор, XVI. Л., 1976, с. 252.

шинстве его дореволюционных работ, или в более суховатой, краткой (в статьях 20-х годов) — собиратель делился с читателем впечатлениями об очередной поездке. В конце 20-х годов он стал обращаться к материалам, записанным другими фольклористами. В статьях «Запрещенные песни о Константине и Анне» и «Песни и легенды о декабристах» он выступает как исследователь, изучающий проблему «история и фольклор».⁷⁶ В обеих статьях показано, как конкретное историческое событие отражается в устах народа, причем ученый обращается не только к фактам, имеющим большое историческое значение (восстание декабристов), но и к малозначимым, никак не повлиявшим на судьбу России (неудачный брак в. кн. Константина с немецкой принцессой Анной Федоровной). Знание исторической литературы помогало Н. Е. Ончукову в истолковании фольклорных произведений.

1931 год оказался для ученого трудным: ему пришлось переехать в г. Никольск Северного края (ныне: Вологодская обл.). Однако и здесь фольклорист продолжает свою собирательскую работу. Сохранились записи диалектных слов, пословиц, поговорок, частушек, сделанные им в Никольске.⁷⁷ В 1932 году Н. Е. Ончуков вернулся в Ленинград,⁷⁸ а в 1935 году переехал из Ленинграда в Пензу. Он получал академическую пенсию, но продолжал напряженно работать. Сохранились письма Н. Е. Ончукова к В. Д. Бонч-Бруевичу. Они полны живого интереса ко всему, что происходило в научном мире. В письме от 20 мая 1937 года так говорится о статье В. Д. Бонч-Бруевича «В. И. Ленин о поэзии»: «Ваша статья... сломала лед молчания о фольклоре, загирающая его. Если теперь печатание фольклора в цветы, то первой ласточкой были Вы».⁷⁹ Здесь же ученый перечисляет те работы, в которых авторы ссылаются на статью В. Д. Бонч-Бруевича.

В 1939 году, узнав о намерении А. Н. Толстого издавать свод обработанных русских сказок, Н. Е. Ончуков выражает свою тревогу по этому поводу: «Затея А. Толстого печатать облитературенные сказки меня удивляет и огорчает. До сих пор все инструкции по собирательству фольклора* (бр. Соколовых, Азадовского, моя и др.) учили: как можно точнее делать записи фольклора. Виноградов и мно(гие) др(угие) ставили в вину знаменитому Афанасьеву его незначи-

тельные поправки в „Русск(их) народн(ых) сказках“, а Сахарова жестоко казнили за его переделки, подделки и выдумки. Теперь сравнительно подробно записанные сказки А. Толстой будет намеренно облитературивать?! Я еще понимаю — убрать из издания для широкой публики местный говор, но дальше — не понимаю...»⁸⁰

В ряде писем Н. Е. Ончуков советовал В. Д. Бонч-Бруевичу, который в 1933 года стал директором Государственного литературного музея, какие книги по фольклору и истории раскола нужно было бы приобрести для музея; дает сведения о литературоведческих материалах, хранящихся в Пензе; по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича делает выписки о раскольниках и сектантах из «Пензенских епархиальных ведомостей».

В пензенский период своей жизни не оставил Н. Е. Ончуков и собирательской работы. Летом 1936 года вместе со своей женой А. А. Булавкиной, которая работала в Управлении куйбышевских заповедников, он выехал в Жигули. Жили они на лесном кордоне Панина Поляна. А. А. Булавкина здесь занималась ботаническими проблемами. «Я ее кормил и исполнял обязанности кухонного мужика... Однако я записал от одного талантливого сказочника до 20 сказок и одну песню и легенду про Разина», — писал ученый В. Д. Бонч-Бруевичу.⁸¹ Талантливый сказочник, о котором говорит Н. Е. Ончуков, это лесник С. П. Мухортов. Записи от него и других жителей кордона находятся в ЦГАЛИ.⁸²

В письмах ученого к В. Д. Бонч-Бруевичу много говорится о статьях, которые он закончил и над которыми продолжал работать. Среди бумаг П. А. Городцова оказался копияный список рукописного сборника песен, принадлежавшего поэту Д. П. Ознобишину (1804—1877).⁸³ В статье «Неизвестный сборник песен поэта пушкинской плеяды Д. П. Ознобишина»⁸⁴ Н. Е. Ончуков дает краткую характеристику этого интереснейшего собрания первой половины XIX века. Сохранилось письмо ученого от 30 декабря 1936 года в газету «Известия» с просьбой опубликовать заметку о сборнике Д. П. Ознобишина. Заметка была послана в редакцию, однако в печати не появилась.⁸⁵ До недавнего времени

⁸⁰ Там же, л. 27 об.

⁸¹ Там же, ед. хр. 12, л. 25.

⁸² ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 79, лл. 104—111; ед. хр. 87 (полевая рукопись), ед. хр. 82 (беловая).

⁸³ Там же, ед. хр. 179. Отдельные листы этого сборника при разборке архива попали в ед. хр. 178; имеется и копия рукописи, сделанная рукой Н. Е. Ончукова (ед. хр. 76).

⁸⁴ Там же, ед. хр. 23.

⁸⁵ Там же, ед. хр. 91.

⁷⁶ Ончуков Н. Е. 1) Запрещенные песни о Константине и Анне. — Изв. по русскому языку и словесности АН СССР, 1929, т. II, кн. 1, с. 270—293; 2) Песни и легенды о декабристах. — В кн.: Звенья, V. М.—Л., 1935, с. 5—43.

⁷⁷ ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 86.

⁷⁸ Там же, ед. хр. 113—118.

⁷⁹ ГБЛ, ф. 369, к. 312, ед. хр. 13, л. 10 об.

роль Д. П. Ознобишина в собирании фольклора представлялась весьма незначительной. Только в 1968 году, когда вышел в свет 79 том «Литературного наследства», фигура Д. П. Ознобишина-фольклориста раскрылась перед учеными в полном его значении. В «Песнях, собранных писателями» опубликовано 50 песен (из 229) из записей поэта, обнаруженных в Государственном литературном музее.⁸⁶ Рукописный же сборник песен, хранящийся в ЦГАЛИ, и до сих пор остается неизвестным науке. Если бы статья Н. Е. Ончукова о сборнике Д. П. Ознобишина была в свое время напечатана, исследователи гораздо раньше оценили бы всю значимость деятельности поэта в области фольклористики.

В собрании Д. П. Ознобишина особое внимание Н. Е. Ончукова привлекла историческая «Песня о Пугачевском бою».⁸⁷ Этой песне ученый посвятил отдельную статью, которая была послана в один из сборников, редактировавшихся М. К. Азадовским. Статья была сверстана, но в последний момент не пошла в печать.⁸⁸ Ее черновик и верстка сохранились в фонде Н. Е. Ончукова.⁸⁹ Приводя полностью текст песни, автор отмечает двойственное отношение солдат, из среды которых она вышла, к Пугачеву. Ученый также указывает, какие события пугачевского восстания отразились в данном сюжете.

В пензенский период жизни в круг научных интересов Н. Е. Ончукова

вошло творчество А. С. Пушкина. В ЦГАЛИ и ГБЛ находятся рукописи его статей «Как работал Пушкин»⁹⁰ и «Пушкин в фольклоре».⁹¹ По поводу последней 31 марта 1937 года Н. Е. Ончуков в письме к В. Д. Бонч-Бруевичу говорил: «Я написал статью „Фольклор о Пушкине“... До сих пор много раз писали о фольклоре у Пушкина и никто еще не коснулся фольклора о Пушкине самом».⁹² В своей работе ученый привлек различные литературоведческие легенды о поэте, почерпнутые из воспоминаний современников, предания, записанные от крестьян сел Михайловское и Болдино В. И. Чернышовым, известные анекдоты о Пушкине и Баркове, бытовавшие в мещанской среде российских городов (в том числе и в Сарапуле). Материал этот, обобщенный в одной статье, представляет значительный интерес и для пушкиноведов, и для фольклористов.

В фонде Н. Е. Ончукова в ЦГАЛИ находятся также статьи «Лубочные картинки», «Разиновщина в народной драме», «Религиозные верования последнего времени», «Первый роман о Пугачеве»⁹³ и др. Один только перечень названий статей говорит о том, как напряженно и многоаспектно работал Н. Е. Ончуков.

Научная деятельность ученого прервалась в самом конце 30-х годов. Умер Н. Е. Ончуков семидесяти лет в марте 1942 года.

⁸⁶ Лит. наследство, т. 79, 1968, с. 513—558.

⁸⁷ Там же, с. 529—530.

⁸⁸ См.: ГБЛ, ф. 369, к. 312, ед. хр. 12, л. 7.

⁸⁹ ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 34.

⁹⁰ ГБЛ, ф. 369, к. 399, ед. хр. 25.

⁹¹ ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 41.

⁹² ГБЛ, ф. 369, к. 312, ед. хр. 13, л. 5—5 об.

⁹³ ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 18, 32, 42, 44, 35.

